

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ М. ВЕБЕРА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В НЕМЕЦКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ

С.В. Лебедева

В современной научной литературе «действие» — это ключевое понятие философии и почти всех социальных и культурологических наук. Так, по мнению Й. Ханса, со II половины XIX века, «абстрактный тип рационального выбора и действия стали отправной точкой всех дальнейших размышлений» [13, с. 10]. В XX веке определяющую роль в создании концепций, в основе которых лежит теория действия, сыграли Макс Вебер и Толкотт Парсонс. Под их влиянием в современной философии возникли и развиваются различные версии моделей рационального действия, будь то неовеберовские или неопарсоновские.

В статье ставится задача проследить влияние (прямое и косвенное) этих социальных философов и социологов на становление различных вариантов коммуникативной философии, на формирование в ней понимания коммуникации как социального действия. Для решения поставленной задачи обратимся, прежде всего, к работам М. Вебера, который заложил основы социально-философской категории социального действия и определил социологию как «науку о социальном действии» [3, с. 121].

В основе социологии Вебера лежит категория «понимание» (*Verstehen*), поэтому его социологию называют понимающей социологией, которая рассматривает отдельного индивида и его действия как первичную единицу, как «атом» [3, с. 117]. Для Вебера индивид является «верхней границей» осмысленного поведения и единственным его носителем. По его мнению, в поведении людей (как во «внутреннем»,

так и во «внешнем») можно наблюдать определенные связи и регулярность. При этом только поведению человека свойственны такие связи и регулярность, которые можно понятно объяснять, то есть рационально истолковывать [3, с. 105].

«Действие, — отмечает Вебер, — должно означать человеческое поведение (все равно, внешнее или внутреннее, отказ от действия или претерпевание), если и поскольку действующий индивид и индивиды связывают с ним субъективный смысл» [3, с. 121]. Также действие интерпретируется им как «неоднородный в своих конкретных воплощениях и несводимый к единым основаниям феномен, который является одновременно и неким исходным материалом и, вместе с тем, генетическим источником всей социокультурной организации, совокупности ее явлений и процессов» [2, с. 95]. Следовательно, действие, в понимании Вебера, предстает в качестве продукта и связи культуры, и, тем самым, предмета его понимающей социологии. В наиболее общем виде, по утверждению многих авторов, например А.С. Бухарова, «действие рассматривается в работах Вебера как антропоцентрически целесообразно определяемая и осуществляемая человеком относительная связь явлений и процессов его внутреннего и внешнего мира с различной степенью выраженности. Такая связь проявляется в различных опосредствованиях и обнаруживается в его поведении» [1, с. 95].

В этих рамках понятие «социального действия» становится центральной проблемой и конечной «единицей» социологии Вебера. «Социальным» он называет такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с поведением других людей и ориентируется на него [3, с. 121]. Таким образом, категории «ориентация на другого» и «наличие субъективного смысла» оказываются одними из центральных методологических принципов социологии Вебера и необходимыми признаками социального действия. В соответствии с этим определением не всякое действие Вебер называет социальным. Если действие индивида ориентировано на ожидание определенного «поведения» не со стороны индивидов, а со стороны вещественных предметов, то оно не может быть названо социальным действием в принятом Вебером смысле слова. Таким образом, соотнесенность действий человека с поведением других людей и определяемые ею и общественными установлениями субъективные ожидания лежат, по Веберу, в основе построения «общественных» и «общественных» «действий» и, в совокупности, разного рода и назначения общественных союзов, т. е. социальной организации.

Социальные действия могут быть классифицированы по разным

основаниям — по материальным или идеальным, рациональным или иррациональным мотивам, видам и типам достигаемых целей и т. д. Сам Вебер классифицировал социальные действия по степени связи между целью и средствами ее достижения. В своих произведениях он, как известно, выделяет четыре основных вида социального действия:

- целерациональное, то есть такое действие, которое может быть определено через ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и при использовании этого ожидания как «условия» или как «средства» для рационально направленных и регулируемых целей (критерием рациональности является успех);
- ценностно-рациональное — действие, которое определено через сознательную веру в этическую, эстетическую, религиозную или как-либо иначе понимаемую безусловную собственную ценность (самоценность) определенного поведения, взятого просто как таковое и независимо от успеха;
- аффективное — такое действие определено эмоционально, то есть через аффекты и чувства;
- традиционное — такое действие определено через привычку.

Два последних вида действия — аффективное и традиционное, как отмечают Ю. Давыдов и П. Гайденок, не являются социальными действиями в строгом смысле слова, поскольку в основе этих действий не лежит осознанный смысл [5, с. 72]. Только ценностно-рациональное и целерациональное действия можно определить как социальные в веберовском значении этого слова.

«Чисто ценностно-рационально, — отмечает Вебер, — действует тот, кто, не считаясь с предвидимыми последствиями, действует в соответствии со своими убеждениями и выполняет то, чего, как ему кажется, требует от него долг, достоинство, красота, религиозное предписание, пиетет или важность какого-либо... дела» [16, с. 73].

«Целерационально, — по утверждению Вебера, — действует тот, кто ориентирует свое действие в соответствии с целью, средством и побочными последствиями и при этом рационально взвешивает как средства по отношению к цели, как цели по отношению к побочным следствиям, так, наконец, и различные возможные цели по отношению друг к другу» [16, с. 73]. Таким образом, целерациональное действие

направлено на достижение индивидом ясно осознаваемых целей. При этом индивид использует средства, которые сам он считает адекватными. Все остальные действия выступают своеобразными отклонениями от целерационального действия. По мнению В.П. Макаренко, концепция целерационального действия — яркий пример того, как Вебер истолковывал понимание. Поведение людей связано со смыслом, который ему приписывается. Понять социальное действие — значит установить смысл, мотивы и цели индивидов [8, с. 131].

С другой стороны, понимание не целерационального, а ценностно-рационального социального действия, исходящего из каких-либо высших, метафизических ценностей, например, ценностей этических или эстетических, часто наталкивается на трудности интерпретации, понимания. Связано это с тем, что действующий индивид сознательно соотносит свои поступки с определенной ценностью, которая принимается без дальнейшего опосредствования и обоснования и в результате такого действия во внимание не принимаются побочные следствия поступка.

Следует отметить, что в каждом реально протекающем социальном действии, по утверждению Вебера, содержатся элементы и целерационального, и ценностно-рационального, и аффективного, и традиционного, так что при оценке каждого конкретного действия можно говорить только о преобладающем элементе. С другой стороны, четыре выше названных типа действия Вебер располагает в порядке возрастающей рациональности. Абсолютно рациональным в установленном Вебером смысле слова является только целерациональное действие, если оно протекает в чистом виде. Таким образом, понятие целерациональности, т. е. «рациональности цели и средства», становится ключевым в концепции Вебера. Он убежден в том, пишут П. Гайденко и Ю. Давыдов, что рационализация социального действия, вытеснение целерациональным действием всех остальных — это тенденция самого исторического процесса [5, с. 74].

Связано это с тем, что возрастание роли целерационального действия способствует изменению структуры общества в целом:

- рационализируется способ ведения хозяйства,
- рационализируется управление (как в области экономики, так и в области политики, науки, культуры, т. е. во всех сферах социальной жизни),
- рационализируется образ мышления людей и, как следствие,

образ их жизни в целом.

Сопровождаются названные процессы возрастанием роли науки, которая, по мнению Вебера, является воплощением принципа рационализации. Наука проникает в производство, в управление, а затем и в быт, а это свидетельствует об универсальности рационализации современного общества.

Как следствие возникает новый тип общества, который Вебер называет индустриальным, и в основе которого, в отличие от традиционных типов, лежит «формальная рациональность». Как отмечает Ю. Давыдов, учение о формальной рациональности — это веберовская теория капитализма, определившая в дальнейшем его интерес к исследованиям форм господства и проблем социологии религии, которые требуют специального изучения [5, с. 76].

Основные идеи и понятия, предложенные и разработанные М. Вебером, оказали огромное влияние на дальнейшее развитие, как социологии, так и многих философских направлений. Одним из таких направлений стала немецкая коммуникативная философия, в которой наиболее полно нашло свое отражение понятие социального действия и ряд других с ним связанных философских категорий.

Как известно, к числу наиболее ярких представителей немецкой коммуникативной философии принадлежит К.-О. Апель, которого принято считать одним из основателей данного философского направления. Идеи М. Вебера, наряду с герменевтикой Хайдеггера и Гадамера, работами Витгенштейна и других представителей аналитической философии сыграли немаловажную роль в становлении его философской концепции. Чтобы понять, каким образом идеи Вебера отразились в философии Апеля, следует кратко охарактеризовать ее основные моменты.

В центре философских размышлений К.-О. Апеля выделяют три проблемных поля: проблемы теории познания, теорию трансцендентальной прагматики и дискурсивную этику [9, с. 16]. Следует отметить, что границу между названными разделами можно провести только условно, так как все они дополняют друг друга и объединены концепцией рациональности, которую Апель определяет как способность человека к обоснованию и самостоятельному конституированию содержания своего сознания. Взяв за основу концепцию рационализации Вебера, Апель поясняет и переформулирует некоторые ее положения. Согласно его представлению, существует множество типов рациональности: техническая, этическая, стратегическая, системная, коммуника-

тивная и т. д., в рамках каждой из которых существует своя система координат и перспектив, и которые не связаны единым принципом (в отличие от концепции Вебера). Исследуя специфику каждого из видов рациональности, Апелъ создает собственную «теорию рациональных типов» [14, с. 333], резко противопоставляя стратегическую и консенсуально-коммуникативную рациональности.

По мнению Апеля, понятие стратегической рациональности Вебера является ограниченным и недостаточным для объяснения рационального поведения, а особенно, для объяснения человеческой коммуникации. Он считает, что следует избавиться от стратегического мышления, а единственной моральной нормой должна стать коммуникативная открытость. Объясняет это К.-О. Апелъ тем, что стратегическое коммуникативное действие может протекать только там, где контекст такого действия уже ясен. Всякая неясность требует координации посредством языковой коммуникации, которая достигается в результате перлокутивного эффекта, то есть при непосредственном влиянии говорящего на слушателя.

Основные понятия философии Апеля — язык, прагматика, дискурс, коммуникативное сообщество, которые ранее считались несовместимыми с понятием рациональности, — получают в его концепции новую интерпретацию и смысл. Также изменился смысл понятия трансцендентальности, которое, как утверждает Назарчук, «утрачивает свою неразрывную связь с философией сознания и превращается в исследование форм коммуникации, изложение в категориальной форме правил употребления выражений речи социальное во взаимосвязи действия и социума» [9, с. 12].

При этом речь рассматривается как целенаправленное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания. Благодаря методологии трансцендентальной прагматики, с точки зрения Апеля, можно найти обоснование принципу intersubjectivity, понятию идеального коммуникативного сообщества, которое по своей природе имеет intersubjectivity характер. Главной целью прагматики Апеля является изучение правил и условий коммуникации, которые способны, по его мнению, объяснить и решить проблему обоснования социального действия, этики.

Продолжением трансцендентальной прагматики Апеля является его концепция дискурсивной этики, которую он называет «этикой идеальной языковой ситуации» [14, с. 334]. В основе его дискурсивной этики, как нам представляется, лежит «этика ответственности» Вебера. Противопоставляя «этику убеждений» «этике ответственности», Ве-

бер считал этот конфликт непреодолимым. С этим соглашается Апель. Но, с его точки зрения, решить данный конфликт можно, если «понять этический принцип не как монологическое убеждение, а как внутренне усвоенный и проясненный принцип аргументации в идеальном коммуникативном сообществе» [14, с. 334].

Трансцендентальная прагматика и дискурсивная этика Апеля акцентируют внимание на рациональном обосновании этических и моральных норм. Такое обоснование, по мнению Назарчука, дает возможность утверждать, что дискурсивная этика Апеля становится «универсальной этикой коллективной ответственности за будущее человечества» [9, с. 19].

Ученик и последователь К.-О. Апеля Юрген Хабермас продолжил и дополнил концепцию своего учителя, подвергая критике некоторые ее положения и предлагая собственную оригинальную теорию действия. Как известно, созданная Хабермасом «Теория коммуникативного действия», опубликованная в 80-х годах, объединяет новое понимание деятельности, рациональности, социальной коммуникативности. Автора интересует, прежде всего, коммуникативное действие и соответственно «разум общения», взаимодействия людей. Это синтез философского (гносеологического, логического) подхода с социально-философским и социологическим [15].

В I томе «Теории коммуникативного действия» Хабермас исследует теорию рационализации Вебера. Рациональность действия рассматривается им на трех уровнях — инструментальной рациональности, рациональности выбора и нормативной рациональности. В ходе анализа концепции Вебера Хабермас по-новому переосмысливает ее основные положения и приходит к выводу, что целерациональность в веберовском ее понимании «угрожает узурпировать место разума и тем самым вызвать тоталитарные последствия, например в деятельности государственной бюрократии» [11, с. 83].

В этой связи он пишет: «Критика основ веберовской теории действия привела меня к альтернативе, которая требует сменить парадигму: перейти от телеологического к коммуникативному действию непосредственно. „Смысл“ как основное понятие коммуникативной теории должен быть оставлен неокантианцам, выросшим на традиции философии сознания. То же относится к понятию общественной рационализации, ... которая предполагает жизненный мир, ... который как бы расположен на заднем плане» [11, с. 160]. По его утверждению, веберовское понимание социального действия является односторонним. Связывает это Хабермас с тем, что социальные действия отличаются

не только по способам связи целей и средств, но и по механизмам координации действий субъектов.

Следуя концепции Вебера, ориентированные на успех действия Хабермас разделяет на инструментальные (если рассматривать их в соответствии с техническими правилами и оценивать эффективность их вмешательства в комплекс событий) и стратегические (если рассматривать их в соответствии со следованием правилам рационального выбора и эффективности влияния на рационального оппонента). В то же время Хабермас критикует исключительно телеологическое, «ориентированное на успех» действие. Именно коммуникативные действия он определяет как системообразующие элементы своей теории. Ю. Хабермас характеризует их как «такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется intersubjectively признанием притязаний на значимость» [12, с. 91].

Коммуникативное действие, таким образом, охватывает все виды интеракций, которые осуществляются совместно и согласовано с другими людьми. Субъекты коммуникативных действий скоординированы не посредством эгоцентричных подсчетов успеха, а при помощи актов достижения понимания. Согласно этому, коммуникативная практика Хабермаса состоит из коммуникативных действий и дискурсов, где коммуникативное действие — это «комплекс взаимодействий», комплекс социальных действий. Необходимым условием коммуникативного действия Хабермаса является его направленность на нахождение взаимопонимания между участниками коммуникации. Следовательно, коммуникация Хабермаса — это общественное действие, ориентированное на других, а его цель — достижение консенсуса посредством ведения дискурса.

Противоположной теории действия Хабермаса стала системная теория общества Н. Лумана, одного из ярких представителей немецкой коммуникативной философии, чья концепция отличается оригинальностью и, несомненно, заслуживает внимания. На возникновение теории общества Лумана большое влияние оказало учение Т. Парсонса. Вопрос о совместимости характеристик социального действия Вебера и Лумана представляет особый интерес, так как существуют различные мнения по этому поводу.

По мнению Й. Ханса, фоном, на котором разворачивается лумановская критика существующих теорий, является теория действия и модель бюрократии Макса Вебера [13, с. 167]. Основанием для такого утверждения стало, по нашему мнению, произведение Вебера «Про-

тестантская этика и дух капитализма», в котором представлена рационально действующая экономическая система, называемая Вебером «капитализм» [4, с. 11]. В такой системе, по мнению автора, люди целенаправленно стремятся к обогащению в рамках своей профессиональной деятельности, ограничивая себя при этом в затратах на потребление и осознанно придавая своей жизни определенные аскетические черты. Следует отметить, что данная работа Вебера ориентирована на решение чисто эмпирических задач, а именно на объяснение механизмов влияния иррациональных религиозных мотиваций на рациональное экономическое поведение человека. Действия человека мотивируются также и структурой социальных классов, которые в значительной мере автономны и определяют образ жизни человека. При этом человек в процессе производства вознаграждается, прежде всего, за собственный образ жизни, что выражается в престиже, которым он пользуется в обществе. Важную роль в капиталистическом обществе, описанном Вебером, играет бюрократическая модель организации, через которую проводятся в жизнь политические решения. Среди значительных черт бюрократизации выделяется институализация ролей в виде должностей с определенными функциями, отделенными от сфер частной жизни. Рыночные системы в таком обществе вовлечены во взаимобмен между подсистемами экономики и воспроизводства образца, с одной стороны, и между подсистемами экономики и политики, с другой.

По мнению Парсонса, в «Протестантской этике...» «Вебер предложил уточненные теоретические основания для различения западной „современности“ и высших стадий эволюции, достигнутых принципиально иными цивилизациями» [10, с. 12]. Ссылаясь на экспериментальную науку, искусство, рациональные правовые и административные системы, современное государственное устройство и «рациональный буржуазный капитализм» Вебер, как считает Парсонс, пришел к выводу, что комбинация всех этих факторов создает уникальную социокультурную систему, обладающую не знающей себе равных адаптивной способностью.

В то же время, исследуя концепции общества и социального действия Вебера, Парсонс указывает на необходимость создания абстрактных понятий и критикует Вебера за то, что он останавливается на исторически-интерпретативных типах и по-настоящему не достигает уровня общей теории общества.

Развивая и дополняя идеи Вебера, а также опираясь на достижения А. Маршалла, Э. Дюркгейма, В. Парето и других социологов, Парсонс

осуществил своего рода «синтез идей» и создал собственную теорию действия. Для него социальная система — это система действия, т. е. мотивированного человеческого поведения. Составляющими этой системы являются культурные подсистемы, личностные подсистемы и поведенческие организмы, — все это, по его мнению, абстракции, аналитически вычленимые из реального потока социального взаимодействия [10, с. 15]. В его подходе перечисленные подсистемы действия трактуются по отношению к социальной системе как компоненты ее окружающей среды. Эти идеи Парсонса находят свое отражение в концепции Лумана, который утверждает, что социальная и личностная подсистемы не представляют собой нечто реально существующее. Различение четырех указанных подсистем действия носит функциональный характер. Оно проводится на основе четырех первичных функций, присущих, по мнению Парсонса, любым системам действия. Это функции воспроизводства образца, интеграции, целедостижения и адаптации. Процесс взаимодействия между системами может осуществляться, считает Т. Парсонс, благодаря зонам взаимопenetрации. Это верно в отношении уровней символических значений и обобщенных мотиваций. Индивиды способны к символической «коммуникации» благодаря общим для них культурно организованным кодам (например, языку), которые одновременно интегрированы и в системы их социальных взаимодействий.

Таким образом, социальные системы Парсонс представляет как системы «открытые», находящиеся в состоянии постоянного взаимодействия на входах и выходах в окружающую среду. Они изначально дифференцированы на различные подсистемы, которые также постоянно вовлечены в процессы взаимодействия [10, с. 18].

Очевидно, что системная теория Парсонса оказала большое влияние на формирование идей Лумана. По его мнению, Парсонс попытался создать теорию, которая учитывает то, что действие нельзя отделить от системы, оно возможно только как система. Основанная же на концепции Вебера теория действия, считает Луман, в большей мере ориентирована на субъектов, на индивидов и учитывает как их психические, так и физические состояния. Системная теория, по его мнению, напротив, более абстрактна и, возможно, больше подходит для отображения макроструктур [6, с. 19]. В интерпретации Лумана все стороны социальной жизни (действия, бездействия, интеракции) являются лишь формами коммуникации, а сама теория обращена к реалиям коммуникационных процессов в обществе. Следовательно, коммуникация — суть социальной системы, а не просто характеристика

общества.

В такой социальной системе, считает Луман, нормы, ценности, консенсус, санкции, взаимный интерес, рациональность, власть и все гарантии порядка бессильны перед тем, что происходит в настоящем. Об их целесообразности можно говорить в соотнесенности с определенным прошедшим временем. Для ответа на возникающий в этой связи вопрос, что же обеспечивает порядок в актуальное мгновение в системе, он обращается к системе кибернетических, математических, физиологических и биологических понятий, заимствуя понятие собственных значений. Под этим понятием он понимает своеобразные инварианты порядка, которые не сводятся ни к общим ценностям, ни к рациональности. В этой связи Луман считает, что даже рационально мотивированные действия внутри определенной системы могут оказаться иррациональными. И, наоборот, иррационально мотивированные действия могут выполнять в системе рациональные функции. По его мнению, порядок в системе — это результат «циркулярного отношения» коммуникации к коммуникации. Именно в такого рода круговом замкнутом самоотношении и рождается «собственное поведение системы» [7, с. 210], возможное благодаря ключевому понятию в теории Лумана — «системной рациональности» [6, с. 197]. Свою системную рациональность он противопоставляет коммуникативной рациональности Хабермаса, которую подвергает критике. Луман считает, что если достигнуто взаимопонимание (основа коммуникативной рациональности), все равно существуют вещи, по поводу которых взаимопонимания еще нет, или остаются люди, с которыми оно пока недостигнуто. А условия меняются быстрее, чем готовность к достижению нового взаимопонимания. В этом Луман видит некомпетентность коммуникативной рациональности Хабермаса и подчеркивает положительную сторону системной теории.

На основе проанализированного материала можно прийти к выводу, что в основе концепций К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса лежит теория социального действия М. Вебера. Критикуя его теорию за односторонность и дополняя ее, представители коммуникативной философии предлагают собственное видение данной категории. Согласно Хабермасу, принципиальное отличие коммуникативного действия от всех прочих видов состоит в том, что оно ориентировано не на успех, а на нахождение взаимопонимания между разными социальными субъектами. По его мнению, коммуникативное действие представляет собой комплекс социальных взаимодействий, которые приводят в движение мощные социальные механизмы.

Анализ системной теории Н. Лумана позволяет утверждать, что в ходе критики концепции Вебера и, основываясь на теории Парсонса, он приходит к созданию собственной теории общества. Ее ключевым понятием выступают коммуникации, которые представляют собой внутрисистемные отношения. Коммуникация в данной теории теряет значение посредника между субъектами (элементами) системы (в отличие от предыдущих концепций), становясь формой существования этих субъектов (элементов). По мнению Лумана, действие неотделимо от системы, оно возможно как система. То есть, порядок круговой циркуляции коммуникаций в системе и ее взаимодействие с окружением, по нашему мнению, и являются действием в лумановском его понимании. Согласованность системных операций возможна благодаря системной рациональности, то есть разумному выбору необходимых для следующего подсоединения коммуникаций. Следовательно, в отличие от Вебера, Луман определяет рациональность как редукцию сложности, а рациональность действия он переосмысливает в более сложную, объемную системную рациональность. В этой связи, как нам представляется, отрицать влияние концепции Вебера на теорию Лумана невозможно, хотя оно и является опосредованным теорией социального действия Парсонса. Также можно утверждать, что социальное действие Вебера и его понимание рациональности выступают так называемым «фоном» для концепции Лумана. Это связано, по нашему мнению, с тем, что системная теория Лумана является довольно абстрактной, чего не отрицает и сам автор [6, с. 201]. По его мнению, данная концепция выступает альтернативой существующим традиционным теориям действия и позволяет по-новому объяснить процессы, происходящие в современном обществе.

1 Литература

- [1] Бухаров А. С. Концепции деятельности в социологии К. Маркса и М. Вебера. — М.: Канон+, 2002.
- [2] Вебер М. Избранное. Образ общества. — М.: Юрист, 1994.
- [3] Вебер М. Соціологія. Загальноісторичні аналізи. Політика. — К.: Основи, 1998.
- [4] Вебер М. Протестантська етика і дух капіталізму. — К.: Основи, 1994.

- [5] *Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н.* История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. — М.: Политиздат, 1991.
- [6] *Луман Н.* Введение в системную теорию. — М.: Логос, 2007.
- [7] *Луман Н.* Общество как социальная система. — М.: Логос, 2004.
- [8] *Макаренко В.П.* Вера, власть и бюрократия (критика социологии М. Вебера). — Р. н / Д.: Издательство Ростовского университета, 1988.
- [9] *Назарчук А.В.* Этика глобализирующего общества. — М.: Директмедиа Паблишинг, 2002.
- [10] *Парсонс Т.* Система современных обществ. — М.: Аспект Пресс, 1998.
- [11] *Хабермас Ю.* Демократия. Разум, Нравственность. (Московские лекции и интервью). — М.: Академия, 1995.
- [12] *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. — СПб.: Наука, 2000.
- [13] *Ханс Й.* Креативность действия. — СПб.: Алетейя, 2005.
- [14] *Apel K.-O.* Ist die Ethik der idealen Kommunikationsgemeinschaft eine Utopie?// Utopieforschung.: Volkamp W. (Hrsg.). — Bd.1. — Stuttgart, 1983.
- [15] *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. In 2 Bd. — Bd. 1. — Fr. a / M., 1981.
- [16] *Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. — Tübingen, 1951.

Надійшла до редакції 11 червня 2010 р.